

Шахматы переживают новый пик популярности, причем не только в сфере большого спорта, но и в рамках повседневности: множатся шахматные клубы, шахматы вводятся в школьные программы как предмет, формирующий и оттачивающий логику мышления, все чаще занятия по шахматам входят в развивающие дошкольные проекты. Но что такое шахматы как феномен культуры? Давайте посмотрим, что выражает собою шахматная партия и как представления о ней менялись на протяжении истории.

М. А. Можейко

УДК 685.841.4

ШАХМАТЫ КАК ОЗНАЧАЮЩЕЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОЗНАЧАЕМОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Анализируются шахматы как знаковая система (а именно как означающее). Обосновывается моделирующая природа шахматной игры. Реконструируется процесс семиотической эволюции шахматных фигур: в этом контексте анализируются чатуранга, чатранг, шатрандж, шахматы с о. Льюис, шахматы влюбленных, курьерские шахматы, лунные шахматы и др. Рассматривается эволюция в культуре Средневековья стоящих за шахматной партией смыслов: битва – рыцарский турнир – куртуазный флирт – социум в целом – бытие как таковое.

Ключевые слова: знаковая система; модель; означающее; означаемое; шахматы; шахматные фигуры; скрытые смыслы; трансформация значений; эволюция смыслов.

CHESS AS A MEANING: EVOLUTION OF A SIGNIFICANT IN MEDIEVAL CULTURE

М. А. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkorawskaia Street, Minsk 220007, Belarus

Dedicated to the analysis of chess as a sign system (namely as meaning). The modelling nature of the chess game has been substantiated. The process of semiotic evolution of chess pieces game has been reconstructed: in this context chaturanga, chatrang, shatranji, Levis chess, lovers' chess, courier chess, moon chess and others game have been analysed. The evolution of the meanings behind a chess game through the history of medieval culture has been considered: battle – knightly tournament – courtly flirting – society as a whole – being as such.

Keywords: sign system; model; signified; chess; chess pieces; hidden meanings; transformation of values; evolution of semantics.

Образец цитирования:

Можейко МА. Шахматы как означающее: эволюция означаемого в средневековой культуре. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021; 2:64–79.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-64-79>

For citation:

Mojeiko MA. Chess as a meaning: evolution of a significant in medieval culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:64–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-64-79>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

Шахматы – одна из древнейших игр человечества. Мы оставляем в стороне споры о том, как именно она возникла (версии существуют разные), мы можем позволить себе это, потому что цель наша иная. Шахматы будут интересовать нас как своего рода зеркало, которое последовательно отражает то одно, то другое. Интересно посмотреть, что именно.

Итак, мы будем рассматривать шахматную игру как моделирующую знаковую систему. Это вполне вписывается в контекст Средневековья, потому что, как отмечают эксперты, «средневековая цивилизация – цивилизация символов. Слова, жесты, привычки – все имело как явный, так и скрытый

«Эта мудрая игра отгоняет от человека черные мысли, которые влекут болезнь», – с такой аргументацией придворный врач халифа Харуна ар-Рашида советовал распространять игру в шахматы во время эпидемии холеры¹.

смысл» [1, с. 47]. В полной мере это касается и символизма того, что моделирует шахматная партия, а это *что* достаточно существенно трансформировалось (речь идет о своего рода означаемом, если рассматривать шахматную партию в качестве некоего означющего, которое можно и, надо думать, даже должно прочитать как символическую систему [2, с. 537–538]).

Рискнем предложить гипотезу о том, что данное означющее эволюционировало от максимально конкретных реалий до моделей высокой степени абстракции. Рассмотрим этапы этой эволюции, в рамках Средневековья их пять.

Этап первый – битва

Свою историю шахматы начинают с древнеиндийской игры чатуранга (санскр. चतुरङ्ग – *четырёхсоставная*), возникшей около VI в. [3, р. 14–15]. М. Меррей, историк шахмат, чей монументальный труд, изданный более 100 лет назад (1913), по сей день считается классическим, называет ее прообразом шахмат [4, р. 838–841]. Игра моделировала битву с участием четырех родов войск (*слон – конь – колесница – пеший*), которыми «руководил предводитель (раджа)»² [4, р. 43–44].

Персидский историк Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни в своем описании Индии (первая треть XI в.)³ представил и чатурангу, причем именно как рассчитанную на четверых игроков: игроки рассаживались по четырем сторонам доски, а на доске размещались четыре комплекта фигур [5, с. 186–187].

Однако, как свидетельствует трактат на пехлеви «Чатранг-Намаг», в VI в. к персам игра перешла уже как рассчитанная на двоих. Известно, что в одном из вариантов чатуранги четверо игроков могли играть *пара – на пару*, что вполне могло послужить мостиком перехода к парной игре. Очевидно, что при переходе к такому варианту четыре армии были объединены в две: в каждой – по два слона, два коня, две колесницы, восемь пешек [6]. Двух раджей, разумеется, быть не может: позиция исключительная, и потому один явно лишний (два медведя в одной берлоге). Для разрешения неловкой ситуации необходимо было дифференцировать их статус: раджей остается только один, а рядом с ним – разжало-

ванный. Надо думать, именно так возникает новая фигура, которая называлась на хинди *Mantri* (मन्त्री), что этимологически восходит к санскритскому *кто думает и говорит*, поэтому переводят этот термин как *мудрец* или *советник*.

В VI в. чатуранга стала известна персидскому царю *царей* – шахиншаху из династии Сасанидов – Хосрову I Ануширвану [7]. В персидском произнесении чатуранга превратилась в *чатранг*.

Спустя столетие в Персию вторгаются арабы. Так как в арабском языке отсутствует звук *ч*, персидское звучание названия игры *чатранг* трансформировалось в *шатрандж*. Шатрандж как культурный феномен – продукт переплетения персидской и арабской традиций. Собственно, будущее европейское название игры *шахматы* произойдет от завершающего игру словосочетания *шах мат* (مات شاه – *шах умер*), где существительное персидское, а глагол арабский [8]. Так как после арабского завоевания персидская элита приняла ислам, а шариат запрещает изображения людей и животных, внешний вид фигур был изменен на схематический (знакомый нам и сегодня). Это привело к значительной демократизации игры: если изысканные резные фигуры из слоновой кости были доступны лишь для знати, то абстрактные фигурки из обожженной глины распространялись повсеместно – шатрандж шагнул из дворцов на площади и улицы, став популярным среди всех социальных слоев [9, с. 9–10].

В названиях фигур шатранджа тоже смешались персидский и арабский языки [4, р. 224–226].

¹Предшественник шахмат – шатрандж. *Azerhistory* [Электронный ресурс]. URL: <https://azerhistory.com/?p=8529> (дата обращения: 07.11.2020).

²Здесь и далее перевод наш. – М. М.

³Полное название восхитительно: «Индия, или Книга, содержащая разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых». Какая тонкая когнитивная толерантность и какой при этом непоколебимый рационализм!

Шах (перс. شاه, шатранджа соответствует *радже* в чатуранге. В персидском языке слово обозначало собственно монарха, но, перейдя в арабский, стало относиться лишь к шахматной фигуре [4, с. 396–397]. Шах – фигура центральная: его потеря означает проигрыш (тот самый *мат*, гибель *шаха*).

Рух (перс. رخ) – аналог современной *туры*. В чатуранге она называлась *колесница*, т. е. *ратх*, в персидском шатрандже – ассоциировалась (по созвучию) с фольклорной птицей Рух, способной уносить в когтях слонов и единорогов; в иранской мифологии она покровительствует воинам и может своим вмешательством повлиять на исход сражения [10, с. 66]⁴.

Ф(н)ил (перс. فيل – слон) и *фарас* (перс. اسب – конь) символизировали боевых слонов и конницу, причем изображались без всадников.

И, наконец, аналог современного ферзя – *ferz* или *farzin* – *визирь* (араб. وزير, от перс. فرزين). Как видим, название фигуры *Mantri* из чатуранги персы перевели с важным смещением смысла. В арабском языке корень *в-з-р* этимологически восходит к арабскому *вазир*, т. е. *тот, кто несет на себе*, и традиционно переводится как *помощник*. Но, как отмечается в Принстонской энциклопедии исламской политической мысли, это скорее конвенция перевода, нежели точное значение⁵. Ситуация сложнее в том плане, что груз может быть и метафорическим: не только перенос тяжестей, но и несение тягот.

Именно в этой связи данное слово упоминается в Коране: «Воистину, Мы даровали Мусе Писание и сделали... Харуна его помощником» (XXV, 35), «И (разве Мы)... не сняли с тебя (о Пророк) твою ношу?» (XCIV, 2). В этом плане *вазир* – тот, кто помогает нести бремя (бремя власти в том числе).

Энциклопедический лексикон XIX в. предлагает трактовать слово как «помогающий государю своему нести бремя правления», и нейтральное значение слова *помощник* обретает административную семантику: «...на всемъ магометанскомъ Востоку слово *Везиръ* употребляется в том же смыслѣ, какъ у насъ слово “министръ”»⁶. Такое же толкование предлагает и Британника⁷.

Однако *вазир* – не просто ассистент, но *представитель* владыки: фактически он исполняет не четко прописанные обязанности, а лично выраженную волю владыки. Это закрепляется в официальной системе титулования – *великий визирь* [11, р. 210–233].

В наборах для шатранджа *фарзин* фигурирует именно как сановник: если абстрактно – в виде тро-

на как символа власти (почти такого же, как у шаха), если не абстрактно (несмотря на запреты шариата) – в шатре, с писцами. Поскольку *визирь* – представитель шаха, постольку и ходы его в игре не предполагали удаления от главной фигуры: он ходил на одно поле по диагонали, что М. Меррей напрямую связывает со статусом визиря при персидских царях, а позднее при Аббасидских халифах: он должен находиться именно *при* шахе, не вдалеке [4, р. 159].

Говоря о проникновении шахмат в западную культуру, можно выделить две линии процесса: северную, связанную с викингами, и южную – через арабизированную культуру Пиренейского полуострова.

Северный вектор лучше всего может быть проиллюстрирован шахматами с о. Льюис (Шотландия). Это название ретроспективно утвердилось применительно к шахматным фигуркам в составе клада, который был обнаружен на западном побережье острова в 1831 г. Клад археологи связывают с викингами, которые и распространили игру по северу Европы. Фигурки датируются второй половиной XII в. [12], т. е. тем временем, когда игра входила в широкое употребление в Западной Европе.

Здесь, в северных снегах, усматривается именно арабский след: орнамент фигур вполне соответствует восточной художественной традиции [13, р. 13–42], хотя выполнены они из местного материала – морской кости [13, р. 57–60]⁸.

Тем не менее – при всем сходстве с фигурами шатранджа – эти шахматы изображают людей.

Короли сидят на троне, выхватывая меч из ножен, а мантии закреплены над правым плечом, что практиковалось в бою, поскольку дает правой руке свободу маневра мечом, тем самым фигуры «хотя и сидят, передают угрозу действия» [14]. Дж. Робинсон отмечает патерналистский характер фигур, подчеркнутый роскошными бородами королей, кроме того, «меч символизирует как... физическую силу, так и неподкупное правосудие» [14], так что патернализм короля обретает оттенок социальной легитимности.

Что касается королей, то сам факт их наличия отражает значимый статус женщины в скандинавской культуре, заданный самим укладом жизни викингов [15–17]. Во время походов жена оставалась полновластной хозяйкой и, как повествуют саги, управляла усадьбой. Кроме хозяйственности, викинги ценили в женщине мужество: во время отсут-

⁴Много позже именно стилизованные изображения птицы были приняты в русском контексте за силуэты корабля, откуда и возникло название «ладья» (в старинных русских комплектах шахмат так и изображается).

⁵Vizier // The Princeton encyclopedia of Islamic political thought / ed. G. Bowering. Princeton : Princeton Univ. Press, 2013. P. 590.

⁶Энциклопедический лексиконъ: в XVII т. СПб. : тип. А. Плюшара, 1837. Т. X. С. 112.

⁷Vizier. Ancient Egyptian and Islamic official. Britannica [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/vizier> (date of access: 07.11.2020).

⁸Любопытно, что в фильме «Гарри Поттер и философский камень» в сцене, где Гарри и Рон учатся играть в волшебные шахматы, фигурируют именно фигуры шахмат с о. Льюис [14].

ствия отца воспитывать будущих воинов приходилось женщинам. История сохранила слова конунга Рагнара Лодброга: «Я выбрал для своих сыновей такую мать, которая передала им свое бесстрашие» [18, с. 23]. Но и вне зависимости от походов (отсутствия мужа в доме) многие сферы жизни традиционно находились в сугубо женской компетенции, мужья советовались с женами по важным вопросам [19, с. 41]. Во многом скандинавские женщины были независимыми – как экономически, так и в правовом отношении: они могли быть субъектами наследования и самостоятельно распоряжаться имуществом [18, с. 21–38; 20, с. 40–48]. И в целом жены были, по формулировке А. Нарни, «обожаемые и почитаемые» [18, с. 23]. И романтизм был вовсе не чужд суровым воинам: даже тексты государственного значения и дипломатические речи подчас облекались в поэтическую форму, а полюбив русскую княжну Елизавету Ярославну, норвежский конунг Харальд Хардрода сочинил в ее честь песнь [21]. Изображенные шахматными фигурками королевы, по аттестации Дж. Робинсона, кажутся «скучающи-

ми или озабоченными», поскольку все они сидят на троне, подперев щеку рукой; большинство из них держит свободной рукой рог, но это не говорит об алкогольных пристрастиях – наполненный рог нельзя поставить и королева просто держит его, пока король чем-то занят [14].

Что касается фигуры, соответствующей слону, то шахматы с о. Льюис – первый прецедент ее трактовки в качестве епископа: «появление в шахматах епископа... свидетельствует о важной роли и силе духовенства, в реальной жизни приобретающего все больший политический вес», и «со времен первого Крестового похода количество епископов на полях сражений только возрастало», причем они не только благословляли и исповедовали, но и «шли впереди войска с частицами Животворящего Креста» [14].

Это – ситуация общеевропейская. Вспомним такого персонажа «Песни о Роланде», как архиепископ Турпен⁹. О реальном Турпене, главе Реймской митрополии, известно немного, но текст отражает практику участия священника в битвах. Вот пока еще он действует как духовный лидер:

Турпен-архиепископ взял в галоп...
Увещевать французов начал он:
«...Умрем за государя своего,
Живот положим за Христов закон. <...>
Покайтесь, чтобы вас простил господь;
Я ж дам вам отпущение грехов.
Вас в вышний рай по смерти примет бог [стих LXXXIX]».

Дальнейшее уже выходит далеко за рамки *profession de foi*:

...Мавр Турпену ненавистен,
Схватиться жаждет с ним архиепископ...
«... Убить его я должен иль погибнуть». <...>
Турпен ударил мавра беспощадно. <...>
Прошло копьё сквозь тело басурмана [стихи CXIII–CXIV]...

Обратим внимание также на строки, где, воздавая хвалу храбрости Турпена, соратники упоминают его пастырский посох: «Врагу свой посох не отдаст наш пастырь» [стих CXIV]. Это любопытно, так как норвежский вектор атрибуции шахмат с о. Льюис позволяет вспомнить о том, что XII–XIII вв. – эпоха гражданских войн в Норвегии. Одна из воюющих сторон – так называемые *баглеры*, или *посошники* (др.-норв. *baglar*, от *bagall* – епископский жезл) – представители аристократии, католического духовенства и торговцев. Им противостояли *биркебейны* (норв. *birkebeinere* – березовоногие, т. е. лапотники) – крестьяне, получившие это прозвище за скудность амуниции, но принявшие его и прославившие¹⁰.

Так что для норвежской традиции участие епископов в войне не просто как армейских капелла-

нов, а как прямых политических игроков и даже полководцев – явление привычное. Понятно, что посошники как социальная сила не состояли из одних епископов, но название закрепилось и могло вызвать неправомерную генерализацию. Так что и в модели битвы епископы играют значимую роль, тем более что в шахматах с о. Льюис все они изображены с посохом – как *посошники*, *баглары*.

Фигуре коня в льюисских шахматах соответствует всадник, причем все фигурки изображены сидящими на пони, в чем сказывается местная специфика: пони широко использовались в Шотландии, поскольку их выносливость и неприхотливость были чрезвычайно кстати в суровом климате [22].

Еще более ярко местная специфика проявляется в том, что вместо ладьи в шахматах с о. Льюис фигу-

⁹Песнь о Роланде // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/srednevekovaya_literatura/pesn_o_rolande.html#0 (дата обращения: 29.11.2020).

¹⁰Биркебейны // Энцикл. слов. : в 86 т. / ред.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Акционер. издат. о-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1892. Т. 3а(6). С. 898.

рирует пеший стражник с мечом и щитом, изображаемый в виде берсерка. Исходно слово *berserker* (др.-сканд. *berserkr*) имело значение *медвежья рубашка* или *голая рубашка*, т. е. воин либо *в звериной шкуре*, либо с *голым торсом*. И то и другое означало дикость, а главное – отсутствие кольчуги, т. е. полное бесстрашие и нечувствительность к боли [23]. Стражники

в льюисских шахматах одеты, но каждый третий грызет свой щит [14], что передает яростное неистовство.

С учетом вынутых из ножен мечей у королей, наличия берсерков следует признать, что льюисские шахматы моделируют битву (а женщины дома, ждут с кубками в руках¹¹) и в этом смысле не выходят за рамки начатой на Востоке традиции.

Этап второй – турнир

Первое упоминание шахмат в европейских документах относится к началу XI в.: они получили широкое распространение при феодальных дворах, сделавшись «любимым времяпрепровождением аристократического общества» [1, с. 68]. Более того, искусственность в шахматной игре входила в позднюю версию рыцарского кодекса чести, и игра в шахматы

трактуются в средневековой культуре как «привилегия и непреходящий атрибут аристократической жизни, ставшие частью рыцарского воспитания» [24]. Надо заметить, это требование (в отличие от умения плавать) действительно реализовывалось: уже в самом раннем рыцарском романе – «Эрек и Энида» Кретьена де Труа – упоминается такой персонаж, как

...Бедуайер, что без промашки
Играет в шахматы и шашки [стихи 1735–1736]¹².

Как отмечает Я. В. Мортимер, «шахматы предпочитают аристократы. В некоторых наборах есть очень искусно сделанные фигуры» [25]. В белорусском тексте «Чорны востраў Самсіжовы» упоминаются хрустальные шахматы, «крышталовыя вельмі пекны» [26, с. 102]. Шахматные наборы высоко ценились; так, в белорусском тексте король предлагает *Трышчану* (Тристану): «я бых табе даў за кождага пешка язджалага віцязя, а за караля таго – караля Артыюша» [26, с. 102].

В слове *рух* европейское ухо услышало созвучие с *rook* (*умес, башня*), соответственно, в европейской трактовке фигура изображается в виде крепостной или осадной башни и носит название *тура*, поскольку в большинстве европейских языков слова для обозначения башни близки по звучанию: фр. *la tour*; англ. *tower*; исп. и итал. *la torre*; нем. *der turm*; датск. и норв. *tårnet*; нидерл. *de toren* и др.

В средневековой литературе «описание шахматных партий занимает значительное место», причем шахматная игра была наполнена истинным драматизмом: «...в них могла разыгрываться судьба женщины, пленника, армии и даже целого королевства» [1, с. 68–69]. Так, в упомянутом тексте «Чорны востраў Самсіжовы» со стороны *Трышчана* ставкой является его сестра, со стороны короля – треть его королевства, и по ходу игры он поднимает ставки: «паў маяго каралеўства», «усё маё каралеўства» [26, с. 103]. Сюжеты нередко описывают ситуации, когда «игра протекала в большом нервном напряжении. Мелкие недоразумения превращались в настоящие драки» [8], подчас «проигравший в ярости от своего поражения ранил или убивал противника» [1, с. 69].

Что касается слона, то, в принципе, боевые слоны были известны: упоминаются в Библии (1-я Книга Маккавеев, 6:46). Но для европейского восприятия слон все же слишком экзотичен, потому возникли более понятные (привязанные к контексту) версии фигуры. Чаще всего он обозначался в качестве епископа, как в шахматах с о. Льюис, потому верхняя часть фигуры каплевидная: воспроизводит заостренный капюшон епископа. В тексте «Чорны востраў Самсіжовы» *Трышчан* называет эту фигуру *попом*: «Я пастаўлю папа ў старшым месцу» [26, с. 103]. Была и такая трактовка слона, как *шут* [9, с. 479], и этот персонаж с очевидностью выводит нас за пределы битвы, перенося действие в дворцово-замковый контекст.

В рамках южной линии продвижения арабских шахмат игра первоначально (но недолго) тоже моделировалась как баталия, однако с существенными трансформациями трактовки фигур и вследствие этого – их игровых возможностей.

Что касается коня, то эта фигура в контексте европейской кавалерии была понятна: всадник-шевалье, благородный рыцарь, овеванный славой, был для Европы XI в. олицетворением доблести и чести [27, с. 100–123]. Так что изображаться в виде коня без всадника он не мог в принципе. Соответственно, в средневековых наборах фигура представлена в виде конного рыцаря; по-английски шахматная фигура коня до сих пор зовется *knight – рыцарь* [4, р. 225–226].

Так, шаху вполне ожидаемо соответствует король с тем же центральным статусом.

¹¹Трагические, в сущности, фигуры: они ждут, надеясь на благополучное возвращение мужей, иначе какой уж пир – некому будет вложить кубок в руки, им же и помянуть придется, испить чашу до дна... И очень трогательные: моделируется-то битва, но они, дома, тоже ее часть, потому что – в сердцах мужчин, *обожаемые*.

¹²де Труа К. Эрек и Энида. Король Артур и Бретонский цикл [Электронный ресурс]. URL: <https://facetia.ru/node/2114> (дата обращения: 24.11.2020).

И, наконец (вот уж, действительно, *the last, but not the least*), ферзь – именно так прозвучало для европейского уха *фарзин*. Вот с ним-то произошли самые удивительные трансформации. Итак, ход королевы! Именно в нее превратился визирь – трудно представить себе метаморфозу более разительную. В шатрандже, как мы помним, женских персонажаций не было вообще.

Согласно распространенной версии этимологии нового наименования, звучание персидского *фарзин* воспринималось во французском контексте как *vierge* (дева) – отсюда очевидные женские коннотации. Но почему именно королева? Объяснение просто феодальным контекстом (как это делают Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо [28]) не очень убедительно. Существует также версия, которая связывает название *королева* со значительным усилением королевской власти в Испании при Изабелле Кастильской. Однако – при всем уважении – дело, как нам кажется, не в ней одной: причины масштабнее, и касаются они изменения статуса женщины в средневековой культуре в целом (именно в *культуре*, в повседневном быту – не слишком [29, с. 121–122, 130–134]).

На наш взгляд, решающее значение имеет в данном случае то обстоятельство, что XI в. закладывает в культуре Европы идеал возвышенной любви *fin'amor*, где все вращается вокруг Донны и влюбленного рыцаря [29, с. 128–130]. Рыцарь есть, это шахматный *knight*. Но любить он может только замужнюю даму, причем именно жену сеньора, с которым связан вассальной клятвой [29, с. 130–134]. Таковой на доске один, и это – король, значит, женский персонаж – королева.

Что касается битвы... Дело даже не в иной тактике боя, которая была характерна для европейской войны («правила игры в шахматы были выражением духа феодального сражения, в котором отдавалось предпочтение рукопашной схватке с небольшой амплитудой перемещения и оборонной тактике» [24]), – существенно важнее то, что военные действия вообще воспринимаются теперь совершенно по-новому. Уже в первом Крестовом походе (1096) «...многих князей и рыцарей сопровождали жены, дочери, сестры. В чужой земле, в сложных условиях, эти женщины, которым пришлось испытать все невзгоды, выпадавшие на долю мужчин, оказывали воинам серьезную помощь. <...> Это сильно подняло позиции слабого пола» [30, с. 10]. Но, что важно, акцент был сделан далеко не только на «сражениях и... осадном сидении»: «...рассматривая поход как некую увлекательную поездку, дамы стремились обставить ее как можно лучше и показать себя Востоку во всей красе своей утонченности и своих нарядов. Даже на поле брани появились отряды amazонок, а их предводительница в золоченых рыцарских сапогах, прозванная «дамой с золотыми ножками»,

вызывала шок у зачарованных мусульман» – все это «придало романтическую окрашенность всему движению» [30, с. 10].

В новом контексте шахматы как означающее начинают *означать* другое: они перестают моделировать битву, в соответствии с куртуазными веяниями сражение понимается не как массовое побоище, а как рыцарский турнир.

Исходно турниры служили тренингом, «главным практическим занятием, на котором приобретался хороший бойцовский опыт и навыки для настоящего боя» [31]. Также турниры служили для демонстрации доблести и воинского мастерства [24].

На ранних стадиях развития турнира «показательное сражение... разыгрывалось по обычному военному сценарию, отображая тем самым реальный стиль боя того времени» [31]. И опасность оставалась более чем реальной: «...использование “куртуазного” оружия с тупыми остриями и лезвиями... очень медленно получало распространение» [1, с. 66].

Однако важнейшим вектором эволюции турнира стала его трансформация от боя как такового к действию игрового характера. Одним из факторов этого процесса стала позиция церкви и властей. С одной стороны, церковь считала смерть участников турнира недостойной, приравнивая добровольное участие рыцарей в «зловредном ристалище» [24] к самоубийству, и потому часто «отказывала им в христианском погребении» [1, с. 66]. С другой стороны, турниры были настолько опасными, что нередко завершались кровавыми побоищами, а «какому правителю понравится, что его лучшие рыцари (основной костяк армии) не могут участвовать в войне из-за травм, полученных на турнире... или убиты» [31].

Однако все «запреты рано или поздно отменялись, так как короли и духовенство были не в силах искоренить стремление рыцарей участвовать в турнирах, поэтому единственный выход был – сделать турнир более безопасным» [31]. В итоге «турнир превратился исключительно в военную игру и сделался театрализованным представлением» [32, с. 45].

Обретение турниром игрового характера влекло за собой много нового.

Прежде всего, игра, как известно, предполагает четко прописанные правила, нарушение которых означает выпадение из игрового пространства. И действительно, в IX в. «воинские игры стали проводиться по определенным правилам, так появились рыцарские турниры» [31]. К началу XIII в. правила унифицировались и устоялись: «...появляются более безопасные правила для турниров, в которых... приводился список запретов... а также оговаривались части тела бойцов, по которым нельзя было наносить удары» [31].

Кроме того, игра не предполагает материальной заинтересованности, и в турнире главное – добытая

слава. Награда победителя подчас бывала вообще символична: он обретал право посвятить свою победу Даме. Хотя известно, что некоторые рыцари, собственно, и жили за счет побед в турнирах [31], но это уже не игра, а работа, и главным для большинства была слава победы, символом которой становился куртуазный приз из рук Дамы.

В связи с этим изменился и сам статус турнира в культуре: наряду с *походными* турнирами возникли *назначаемые* [31]. Последние вносили яркие краски в повседневность Средневековья, представляя собой «удивительное по своему блеску и... порядку мероприятия» [31], в котором находили себе место также «целые толпы артистов, фокусников, поваров, торговцев, нищих и преступников» [1, с. 66–67]. Фактически «это не только схватки рыцарей, но и театрализованные представления... Сопровождающиеся танцами и играми... В XV в. популярным становится турнир “па де арм”. Этот турнир организовывался по мотивам какой-либо истории, где сама схватка рыцарей была лишь частью театрализованного шоу» [31].

Вторая важная тенденция эволюции турнира в средневековой культуре – его индивидуализация.

Поначалу имитировавшие реальную битву турниры были групповыми. Так, например, «в 844 году свита Людовика I Германского и его брата Карла II Лысого разделилась на одинаковые по численности отряды и разыграла показательное сражение, причем оба принца сами участвовали в схватке во главе молодых воинов» [31]. Вот они: два принца – два короля (два шаха).

Однако историческая эволюция турнира ведет к его полной и финальной индивидуализации: акцент сдвигается с коллективного сражения к дуэльному поединку – *жюте*, что изменило и его сословную отнесенность: теперь это занятие не рыцарей как воинов, а забава галантных кавалеров: «...жюте становятся рафинированным аристократическим развлечением, систематизированные ритуалы его проведения строго соблюдаются, а подвиги, совершаемые рыцарями на глазах у прекрасных дам,

полностью соответствуют этике куртуазной цивилизации» [24].

Куртуазное содержание поединков все более выдвигается на передний план: «...начиная с XIII в. на турнирах дамам отводится особая роль, и им даже посвящают заключительный поединок» [31]. Фактически смысл поединка был уже не столько в демонстрации воинской доблести, сколько в том, кто сможет более прославить свою Даму, посвятив ей победу. Тем более что «Дама рыцаря, победившего на турнире, становилась королевой турнира и вручала победителю награду» [31].

А. Фергюсон отмечает еще одну интересную особенность куртуазных турниров: они часто «проводились в соответствии с моделью, описанной в рыцарских романах» [32, с. 40]. Эксперты отмечают, что «широкое распространение в XII в. романов... в которых прославлялись идеалы романтической любви, повлияло также и на турниры» [31]. Более того, в XIV в. «дамы могли даже выбирать победителя турнира» [31], что, в сущности, разрушало его исходный состязательный смысл и превращало в сугубо куртуазную акцию. Позднее, в XV в., «жюте становится почти театральным действием» [24].

Формирование индивидуального характера турнира и развитие его игрового статуса (при акцентуации галантной подоплеки поединка) приводят к тому, что в итоге он оказывается вписан в куртуазную традицию: от *куртуазного оружия* – до переосмысления битвы как игрового куртуазного действия, посвященного Прекрасной Даме, королеве турнира (вот и королева!).

Для моделирования такового шахматы оказались чрезвычайно удобны, так как в отличие от модели масштабной битвы, где фигурке коня соответствовала целая конница, модель турнира предполагала практически изоморфное соответствие фигур на шахматном поле фигурам турнира: рыцарь-всадник (благородный шевалье) – его противник (такой же рыцарь) – его сеньор – король – его супруга, королева (для рыцаря – Донна) – башни замка и т. д.

Этап третий – куртуазный флирт

В свете описанных тенденций моделирующая семантика шахматной игры переосмысливается, базовые аллегории меняются и куртуазные гештальты выдвигаются на передний план. Например, согласно описанию С. В. Жарко, на крышке шкатулки XIV в. изображен куртуазный турнир под названием «штурм замка любви»: «...там показаны рыцари... штурмующие замок, который защищают девицы (они бросают в рыцарей цветы)» [31].

Это отразилось и в практике шахматной игры, ее включенности в контекст замковой жизни: «...во времена господства куртуазной любви шахматы были игрой повседневной» [28]. В аристократиче-

ских кругах они были очень широко распространены, причем «дамы и молодые женщины без малейших колебаний садились за шахматную доску и часто показывали себя более искусными игроками, чем мужчины»; по легенде, Алиенора Аквитанская «заставила потерпеть поражение в шахматах самых влиятельных князей Англии и Франции» [1, с. 69].

Более того, при анализе пикантностей и бурлеска в куртуазной поэзии П. Бек отмечает, что у трубадуров нередко встречаются «эротические намеки, связанные с игрой в шахматы» [33, р. 46].

Так что если изначально игровая партия моделировала битву, то теперь это *битва* куртуазная –

флирт, где рыцарь как бы наступает, а Дама как бы отступает. Например, во второй половине XIII в. Бернарт д'Аурьяк пишет, что хотел бы сыграть со своей дамой «...у нее в доме партию в шахматы, и чтобы никто не мешал бы игре. А еще хотелось бы... побыстрее и напрямик объявить ей шах: ведь именно в этом и состоит вся прелесть игры! Но также хотел бы я дождаться конца нашей партии, ибо желательно мне увидеть, как она одержит победу, и настанет мой черед получить шах и мат» [цит. по 33, р. 46–48].

Наряду с непосредственным эротическим флиртом шахматы выражали и аксиосферу куртуазного понимания любви: символическая система шахмат использовалась для создания концептуальных морализаторских схем, моделирующих ценностные основания куртуазной культуры. В средневековых источниках упоминаются даже особые шахматные наборы, где игра разворачивалась на доске 7 × 8 с комплектами из фигур, каждая из которых ассоциировалась с одним из человеческих чувств [4, р. 339–343].

В конце XIV в. даже появляется поэма Эврара де Конти «Шахматы любви», в которой рыцарь и Дама разыгрывают партию в шахматы, являющую собой аллегорическую модель человеческой жизни, где каждому возрасту соответствуют свои виды любви [34, р. 397–398]. Шахматы служат здесь символической моделью куртуазного поведения в целом: доска – жизнь влюбленного, правила выбора – законы куртуазной любви, и соблюдение или несоблюдение последних (правильный или неправильный выбор в рамках каждого хода) ведут либо к победе, либо к поражению в играемой партии – любви как всей жизни.

Очень скоро (около 1405 г.) Эврар де Конти пишет еще и прозаический трактат на ту же тему «Нравоучительная книга о шахматах любви» – предположительно комментарий к «Шахматам любви» [35, р. 188]. Этот текст полностью сохранился [36] и даже есть в свободном доступе со всеми иллюстрациями [37].

Среди дошедших до наших дней вариантов трактата – манускрипт, иллюстрированный Робине Тестаром, придворным Мастером графа Карла Ангулемского (после его смерти в 1496 г. служил его вдове – Луизе Савойской, для которой, собственно, и предназначалась «Нравоучительная книга о шахматах любви»). Самая известная из миниатюр этой книги – «Карл Ангулемский и Луиза Савойская играют в шахматы», где супруги изображены за игрой на необычной доске 5 × 5 [38, р. 144–188]. Поскольку «Нравоучительная книга о шахматах любви» – не единственный шахматный трактат, который иллюстрировал Робине Тестар, постольку эксперты полагают, что особенность доски не может быть ошибкой дилетанта [38, р. 144–188]. Это позволяет судить о том, что играют они не в обычные шахматы, но, скорее всего, именно в *шахматы любви*. Центром

картины выступает Луиза: мужские фигуры явно второстепенны (муж, Карл Ангулемский, не играет, а лишь смотрит на доску из-за плеча супруги, шахматный соперник вообще изображен спиной и анонимен, а сам Робине Тестар, хоть и изображен на переднем плане, только наблюдает за происходящим). Но не это главное: положение фигур на доске говорит о явно доминирующей позиции фигур Луизы Савойской, что сулит ей скорую победу. Поскольку Луиза являлась незаурядным политиком своего времени, постольку такая шахматная искушенность оценивается экспертами как ничуть не удивительная [39, р. 44–45].

В целом это новый статус женщины, понятой в куртуазной системе отсчета как Донна, вокруг которой разворачиваются все интриги, которая становится центром и целью рыцарских подвигов, которая выступает (со)участницей флирта как куртуазной игры и в этом качестве – шахматным партнером.

Что же происходит с фигурой ферзя в такой системе отсчета? Как мы знаем, значимость Прекрасной Дамы в куртуазном контексте становится чрезвычайно высокой: как бы ни была ее роль номинативна, без нее куртуазная система выстроена быть не может. В соответствии с этим меняется понимание роли ферзя и самих правил игры: самая слабая фигура превратилась в самую сильную!

Как пишет М. Меррей, «в ранней версии шахмат, эволюционировавшей из шатранджа и в таком виде заимствованной из арабского мира в Европе, ферзь был слабейшей фигурой» [4, р. 452]. В начальной позиции, как и подобает по социальной иерархии, он располагался рядом с королем и далеко не отлучался: перемещался лишь на одно поле по диагонали. Кроме того, в начальной позиции визири противников стояли на полях противоположного цвета, так они не могли напасть друг на друга [4, р. 224–226].

Европейский ферзь для начала «получил дополнительную возможность: своим первым ходом ферзь мог “прыгнуть” на два поля по диагонали, горизонтали и вертикали (это правило видоизменялось в зависимости от региона)» [4, р. 458–465]. С течением времени роль этой фигуры усиливается все больше, поскольку ферзь-королева ходит на любое число полей по всем направлениям, соединяя в себе возможности и ладьи, и слона. В европейской версии шахмат ферзь-королева, безусловно, самая сильная фигура.

В России была распространена практика наделять ферзя в дополнение к обычным ходам еще и ходом коня [4, р. 384–385]. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля возможны ситуации, когда «по договору, *ферзь* ходит всеми ходами, т. е. и конем»; в этом случае (тотальное доминирование на доске!) фигура «зывается: *ферзь всяческая*»; в нашем контексте

небезынтересно, что у В. И. Даля отражается также имеющая место в русском языке тенденция склонять существительное мужского рода *ферзь* по правилам, характерным для женского рода: «ФЕРЗЬ ж., но правильное м. старшая по царю “после царя” шахматная шашка»¹³.

В итальянском языке новая фигура, обладающая неслыханной доселе возможностью ходить во всех направлениях, получила имя *rabiosa* (бешеная) [4, р. 776–778].

Бывали и конкретно-личные персонификации. Например, в русских шахматах для царских детей существовали *шахматы с личиком*, моделирующие русско-турецкую войну: белые фигуры в пудренных париках изображали Петра I с войском, а черные – турецкого султана с янычарами. Ферзь изображался

очень конкретно – в виде Екатерины I: «Петр Первый. <...> Рядом – его жена Екатерина»¹⁴.

В итоге описанных тенденций и саму игру стали называть в Европе *шахматы королевы* [40] (как раз в период, хронологически совпадающий с куртуазной традицией). А в источниках конца XV в. встречается формулировка *шахматы Дамы* (например, исп. *axedres de la dama*) [4, р. 776–778].

Разумеется, нельзя не упомянуть сугубо куртуазную возможность трансформации пешки: она может превращаться в ферзя. Пешки безличны (как и женщины в своей массе для средневековой культуры), но потенциально все они – королевы: упал на нее взгляд рыцаря любовный, и озарилась она светом неизъяснимым – вот и стала она его королевой, и вся ее сила воссияла...

Этап четвертый – социум

Если изначально шахматы были в Европе игрой аристократической, то с течением времени речь можно вести и о распространении шахмат за пределами замков.

Понятно, что в сознании горожан куртуазные турниры имели малое значение, да и время идет, приходят новые ценности и смыслы. В бюргерской среде на передний план выходят иные, а именно цеховые интересы. Соответственно, в шахматной игре усматривают иную подоплеку, в новом, городском, контексте моделирующий потенциал шахмат актуализируется по-новому.

В этом плане интересна такая разновидность шахматной игры, как *курьерские шахматы*, которые были распространены в Северной Германии в XII–XIV вв. [41, р. 13–17].

Эта разновидность шахмат интересна тем, что в наборе присутствуют дополнительные фигуры: во-первых, сохранен мудрец (наличие ферзя как королевы этому не помешало), во-вторых, наличие епископа как переосмысленного слона не помешало наличию шута (как мы помним, таковой иногда заменял собой слона, но в этом случае он его дополняет: городская культура успешно совмещает религиозные и светские интенции), в-третьих (и это главное), возникает такая новая фигура, как курьер, который изображался в виде всадника, трубившего в рог (в поздних, абстрактных, вариантах – в виде шпиля). И фигура курьера была выше всех остальных, кроме короля, к которому практически приближалась [42, с. 104–107].

Размер отражал игровые возможности: курьер оказывался самой сильной фигурой на доске [4, р. 483–485]. Ходил он на любое количество кле-

ток по диагонали, в то время как королева – только на одну (тоже по диагонали, так что сравнение по единому критерию). Даже шут имел большую, чем королева, амплитуду хода, больший размах: он тоже ходил на одну клетку, но зато и по вертикали, и по горизонтали.

Такая вот корпоративно-профессиональная версия шахматной игры. При сохранении королевской власти в неприкосновенности (и король, и королева с доски никуда не делись, даже шут при них остался) в городском контексте растет экономическая мощь бюргеров, чья цеховая организация с течением времени оттачивает профессиональное самосознание и ценит свои привилегии. Можно предположить, что курьерские шахматы это и отражают, наделяя курьера такими игровыми возможностями, которые делают его самой сильной фигурой после короля (на него бюргеры пока не замахиваются, буржуазные революции еще далеко, хотя, надо заметить, на рокировку король в курьерских шахматах права не имел).

Несмотря на свою распространенность в XII–XIV вв., конкуренции с классическими шахматами курьерские не выдержали, и практика этой игры сошла на нет. Но в изобразительном искусстве следы курьерских шахмат сохранились. Так, началом XVI в. датируется картина Лукаса ван Лейдена «Игра в шахматы», изображающая горожан-бюргеров; в XVII в. голландский художник Ян де Брай создает набросок юноши, размышляющего над этюдом курьерских шахмат («Шахматист», 1661 г.). Сообщения о том, что в области Штрёбек продолжают играть в курьерские шахматы, встречаются даже в начале XIX в., но уже к концу его первой четверти курьерские шахматы фактически забыты, попытки возродить их в совре-

¹³Ферзь // Толковый слов. живого великорус. яз. : в 4 т. / авт.-сост. В. И. Даль. СПб. : Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 549.

¹⁴Несколько фактов из истории шахмат. Россия К. [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/42185/ (дата обращения: 17.11.2020).

менной шахматной культуре предпринимались, но успешными не были [43].

До сих пор мы говорили об объективном отношении шахмат как моделирующей системы к тому, что они отражали. Это, разумеется, осознавалось игроками: играющие в чатурангу вели битву, куртуазные аристократы – турнирный поединок (в том числе и любовный), но целенаправленному рефлексивному осмыслению шахматы (именно как означающее) не подвергались.

Первопроходцем выступил здесь доминиканский монах Якопо ди Чессоли, который во второй половине XIII в. пишет трактат «Книга об обязанностях и нравах знати, или О шахматной игре» [44, с. 270], моделируя систему шахмат как идеальное общество. По оценке С. Лучицкой, «шахматы в трактате сравниваются с обществом и его системой отношений, взаимных обязанностей и других необходимых условий существования социального здания» [44, с. 271].

Более того, Якопо ди Чессоли усматривает в шахматах идеальный вариант социального устройства и создает своего рода шахматную утопию. Ошибочно полагая, что шахматы были изобретены в Вавилоне, он и моделирует Вавилон как правильно организованный город: последний в его представлении «...был построен по плану, разбитому на квадраты. Каждая сторона длиной 16 римских миль, а общая площадь – $16 \times 4 = 64$. Чтобы представить размеры города, изобретатель этой игры создал доску с 64 клетками. Края доски представляют стены города, а они были высокими, и потому края доски высокие. Шахматы – это идеальный город... в этом городе царят concordia и гармония» [цит. по 44, с. 271].

В контексте средневекового символизма шахматная доска для Якопо ди Чессоли – метафорическая модель общества, он задумывается о месте в обществе и о социальном предназначении «благородных шахматных фигур», и прежде всего это относится к персонификации шахматных фигур: «...шахматы символизируют город, общество, а шахматные фигуры – различные социальные страты» [44, с. 270–271].

Следует сказать, что модель Якопо ди Чессоли – монархическая: «...как в шахматах все подчинено защите короля, так и в обществе... все социальные группы должны поддерживать короля и укреплять королевскую власть. Именно эта цель и сплачивает фигуры, и благодаря подчинению всех фигур королю создается гармония и порядок» [44, с. 272].

Этап пятый – бытие

Общество как таковое – казалось бы, куда уж дальше? Однако есть куда! Шахматы начинают восприниматься как модель бытия как такового – в аспекте осмысления жизни и смерти. Очень хотелось бы сказать экзистенциального бытия, но слово это еще не обрело

Однако с развитием средневекового общества (рост городов, интенсификация торговли, дифференциация стратификации и др.) в набор шахматных фигур как модель социума вносятся интересные коррективы. Соответственно изменению статуса фигур меняются и их возможности (диапазон перемещений по доске) и – вследствие этого – роль и значимость в процессе игры. Как отмечает М.-А. Поло де Болье, «названия шахматных фигур были изменены и стали отражением западного образа жизни» [24].

Особенно интересно то, что Якопо ди Чессоли делает акцент на пешках, и в трактовке таковых происходят изменения самые радикальные. До сих пор они были безличной пехотой, и то (осознанное значительно позже Средневековья) обстоятельство, что *под грубой солдатской шинелью бьется живое солдатское сердце*, еще не приходило в голову шахматным игрокам. Это касается и *падати* в чатуранге, и *переднего строя пехоты* в чатранге и *байдакх* в арабском шатрандже, и набора с о. Льюис, где пешки – единственные фигуры, не имеющие антропоморфного облика (фигура пешего воина там присутствует, занимая позицию современной ладьи, но это, как мы помним, ценный берсерк), в то время как пешки – безликое *пушечное мясо*. Как пишет Дж. Робинсон, «здесь пешки представлены как неодушевленные вертикально поставленные куски моржовой кости, не имеющие в социальном мире шахматной доски никакой индивидуальности» [14]. И во многих версиях шахматных правил пешки в принципе не могли превращаться в фигуры.

В отличие от этой традиции Якопо ди Чессоли посвящает пешкам специальный раздел трактата, где «речь идет о 8 пешках, которые олицетворяют разные профессии простолюдинов» [44, с. 270]. Тем самым он рассматривает моделируемое шахматами социальное устройство, во-первых, во всей полноте (с учетом не только аристократической верхушки, но и городских слоев, рассмотрев каждый тип отдельно), во-вторых, дифференцированно и детально: не общий и безликий *трудовой люд*, а различные профессиональные группы с учетом специфики каждой. Он первым «персонифицировал пешки как ремесленников, чернорабочих, трактирщиков и торговцев» [14].

Итак, шахматы как означающее начинают сопрягаться с означаемым гораздо более широким, нежели битва, турнир или система куртуазного флирта, – теперь это общество в целом.

тех смыслов, которые мы вкладываем в него сегодня на базе сложившейся философской традиции XX в., хотя именно эти нюансы и имеются в виду.

Этот вектор трактовки шахмат закладывается в уже упоминавшейся в связи с курьерскими

шахматами книге Августа Младшего «Шахматы, или Королевская игра». Герцогом Брауншвейг-Вольфенбюттельским ее автор на тот момент еще не был, но поклонником шахматной игры уже был и внес существенный вклад в эволюцию означаемого, усматриваемого за коллизиями на шахматной доске. И немудрено: он являлся ректором двух университетов, человеком высокообразованным и чрезвычайно эрудированным, собрав в своем замке огромную библиотеку в 180 тыс. томов [45].

Как отмечает Н. Иванова, «...автор книги скрылся за псевдонимом Густавус Селенус, но... явно не хотел кануть в безвестность. Ведь Густавус — это Август на латыни, а Селенус — от греческой богини Селены, которую римляне называли Луной. Родовое же имя герцогов Брауншвейг-Люнебургских происходит как раз от слова “Luna”, так что налицо апокрифический характер псевдонима» [45]. Соответственно, и шахматные фигуры, изображенные на иллюстрирующих книгу гравюрах, получили название *лунных шахмат*.

Шахматы эти совершенно особые: верхнюю часть их утонченных и изысканных фигур «венчает символический скелет, в образе которого всемогущая смерть смеется над шахматной игрой» [45].

Шахматы стали использоваться для моделирования темы смерти в философско-богословских и художественных произведениях.

В XVI в. Петр Скарга, первый ректор Виленской Академии, призывая к познанию мира, использует метафору шахмат: «...на шахматной доске гордо стоят короли, девы, солдаты, а тотчас по окончании игры они все свалены в шкатулку, точно в мертвецкую» [цит. по 8].

Концептуальное осмысление шахмат в этом разрезе дано в трактате «Доктрина смерти» французского теолога Иоганнеса Гвалленсиса (1518 г.), предававшего размышлениям о жизни и смерти посредством шахматной метафоры [46, р. 75–102; 47, р. 219–273] и рассматривавшего мир как доску «с белыми и черными полями, которая принимает на себя людей, словно шахматные фигуры» [цит. по 48].

Посредством шахматной аллегории моделирует равенство как наступающее лишь после смерти немецкий автор Готтлиб Пфефель (XVIII в.): жизнь подобна шахматной партии, где каждый должен играть свою роль, а «...потом появляется мастер... который руководит движением всех фигур и распределяет среди них роли. Он берет большие и малые фигуры, бросает их все вместе в черную коробку и перемешивает между собой. Так выглядит картина мира» [цит. по 8].

Похожий сюжет встречается и у Мигеля де Сервантеса в романе «Дон Кихот», написанном

в самом начале XVII в.: Санчо Панса предлагает сравнение жизни с игрою в шахматы: «...пока игра продолжается, каждая фигура имеет свое особенное значение, но когда игра окончилась, все фигуры смешиваются, опрокидываются и бросаются как попало в ящик... как люди после смерти — в землю»¹⁵.

В изобразительном искусстве среди произведений с подобным сюжетом — гравюра неизвестного эльзасского художника XV в. «Смерть ставит мат королю» и фреска шведской церкви Тёбу «Смерть, играющая в шахматы» (конец XV в.), где изображен мужчина, играющий против Смерти: ход делает Смерть, а мужчина хватается за сердце, пытаясь удержаться за доску [49].

Та же подоплека — и в более поздней картине Реми-Фюрси Дескарсена «Портрет доктора де С., играющего в шахматы со Смертью» (1793), и шахматы на нем — не лунные: ассоциация шахматной партии как игры со смертью уже закрепились в традиции универсальным образом. Сюжет позитивен: врач спас пациента, победив в шахматной партии Смерть (скелет с косою в черном плаще); мотив победы над Смертью подкреплен и картиной на стене, которая изображает воскрешение Эскулапом Ипполита. Доктор радостно смотрит на зрителя, демонстрируя позицию на шахматной доске, где читается убедительный мат слоном и конем.

Этот больной не умер. Но можно ли победить Смерть как таковую? Так что оптимизм картины — это попытка преодоления страха: кто бы ни проиграл, смерть выигрывает в любом случае.

Однако это далеко не финал: для христианина есть еще и битва за душу. Что за гранью: рай или ад? В таком контексте это игра уже не со Смертью, когда на кону жизнь, а игра с дьяволом — за душу.

Такое толкование шахматной партии может быть усмотрено уже в фольклоре. Классикой жанра является голландская легенда: дьявол под личиной рыцаря вынуждает монаха сесть за шахматы, причем по ходу партии нечестивая грешница подсказывает ему неверный ход, но монах отчетливо понимает, что происходит («он знал, что на кону стоит его душа»), потому обращается за небесной защитой и только «после усердной молитвы двинул пешку против пешки своего соперника», что и обеспечило ему победу [8].

Легенда о шахматной победе над дьяволом связана и с именем знаменитого итальянского шахматиста XVI в. Паоло Бои. Согласно легенде, он встретил женщину необычайной красоты. Оказалось, что красавица охотно играет в шахматы, и во время партии Паоло понял, что его партнерша играет блестяще, но все же сумел объявить ей мат. Вдруг его белая королева стала черной, а незнакомка, смеясь, ска-

¹⁵ de Сервантес М. Дон Кихот. Онлайн-библиотека русской классической литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-читать.рф/сервантес-дон-кихот/> (дата обращения: 21.11.2020).

зала: «Нет, Паоло, ты не выиграешь». Потрясенный Паоло Бои стал молиться Пресвятой Деве и, несмотря на изменение цвета королевы, все же выиграл. Незнакомка исчезла, а Паоло Бои понял, что играл с дьяволом [8].

В изобразительном искусстве такой сюжет также лежит в основе многих произведений. Так, картина Фридриха Августа Морица Ретча «Игроки в шахматы» (1830-е гг.) изображает партию с Дьяволом. Известно, что Ф. А. М. Ретч увлекался Гёте и иллюстрировал «Фауста»; Н. Сфикас даже полагает, что в качестве соперника героя, собственно, и изображен Мефистофель [50, с. 150]. Практически эту же композицию воспроизводят бронзовый барельеф Энтони Джонса «Игра на жизнь» (середина XIX в.), рисунок Теодора фон Холста «Сатана играет с человеком на его душу» и др. Барельеф предельно нагружен мрачной символикой (шахматная доска размещена на крышке саркофага), и исход сражения, казалось бы, предрешен. Но есть еще ангел, осеняющий доску крылами, что оставляет надежду на победу в битве за душу. Интересно, что шахматные эксперты усматривают в расположении фигур на доске возможность для героя все же выиграть партию¹⁶.

Шахматные фигуры в подобных сюжетах изображаются нестандартно и непосредственно выражают борьбу Добра и Зла. Так, на картине Ф. А. М. Ретча «Игроки в шахматы» черный король повторяет игрока-дьявола (и одет точно так же). Рядом с ним – Неверие, попирающее крест, Сладострастие (женщина с обнаженной грудью), Гордость (с павлиньим хвостом), Ложь (одна рука – клятвенно на груди, другая держит кинжал за спиной) и т. п.¹⁷.

Это отражено и в специальных шахматных трактатах. Так, в тексте неизвестного автора XV в. «Нравоучительная шахматная игра Дамы» партия трактуется как борьба темного и светлого начал [51]. Сатана играет в шахматы с Дамой, пытаясь оболь-

стить ее и привести к поражению, в то время как ставка в игре – ее душа. Дьявол играет черными фигурами, которые олицетворяют мирские соблазны и пороки, белые фигуры Дамы – добродетели. Фигуры противостоят друг другу попарно: если дьявол делает первый ход, передвигая черную пешку Самолюбие, то в ответ Дама передвигает свою – Любовь к Богу и т. д. Каждому ходу посвящена отдельная глава трактата, и через 16 ходов Дама объявляет шах черному королю с помощью своей королевы, символизирующей Смирение.

Детальное развитие получает шахматная метафора в ученых трактатах, например, у Джироламо Савонаролы (конец XV в.). Его перу принадлежит работа «Об искусстве хорошо умирать», и в ней он пользуется именно метафорой шахмат: «Смерть – это торжественный момент нашей жизни: дьявол дает нам тогда последний бой. Он как бы постоянно играет с человеком в шахматы и ожидает решительного конца, чтобы объявить ему мат. Кто побеждает в этот момент, выигрывает битву всей жизни» [цит. по 52, с. 357–358].

Существуют и более масштабные модификации игры за душу, где человек оказывается не игроком, а фигурой на шахматной доске, и борьба идет уже *на высшем уровне*. Так, например, в моралите Готье де Куанси «Чудеса богоматери» (конец XIII в.) включена аллегория, описывающая игру в шахматы между дьяволом и Богом. За свою вину – первородный грех – человек на шахматной доске загнан в угол, и мат неизбежен, однако Бог сотворяет новую фигуру – королеву, Святую Деву, и благодаря ей дьявол оказывается повержен [8].

На этой основе означаемое шахмат еще более расширяется и обретает новое измерение, касающееся уже не индивидуальной судьбы, но судеб мироздания: борьба жизни и смерти переосмысливается как борьба Добра и Зла – в универсально космическом масштабе.

Библиографические ссылки

1. Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола*. Москва: Молодая гвардия; 2001. 223 с.
2. Можейко МА. Означивание. В: Грицанов АА, Можейко МА, редакторы-составители. *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; 2001. с. 537–538. Совместно с издательством «Книжный дом».
3. Gollan J. *Chess variations: ancient, regional, and modern*. North Clarendon, Vermont: Tuttle Publishing (Charles E. Tuttle Company); 1973. 233 p.
4. Murray HJR. *A history of chess*. Oxford: The Clarendon Press (Horace Hart M. A. Printed to University); 1913. 900 p.
5. Бируни Абу Рейхан. Индия. В: Бируни Абу Рейхан. *Избранные произведения. Том 2*. Ташкент: Фан; 1963. 727 с.
6. Амбарцумян АА, переводчик. *Книга о шахматах [Чатранг-Намаг]* [Интернет]. 2000 [процитировано 5 ноября 2020 г.]. Доступно по: <http://avesta.tripod.com/pehlev/Chatrang-namag.htm>.
7. Мэррей ГДжР. *Насколько стара шахматная игра. Древность шахматных игр* [Интернет, процитировано 9 ноября 2020 г.]. Доступно по: http://thaichess.narod.ru/index/naskolko_stara_shakhmatnaja_igra/0-49.

¹⁶Bronze Bas Relief Masterpiece and Background Story – The King Has One More Move! ONE-MORE-MOVE-CHESS-ART.COM [Electronic resource]. URL: <https://www.one-more-move-chess-art.com> (date of access: 15.11.2020).

¹⁷Retzsch M. Die Schachspieler – The Chess Player // The Saturday Mag. 1837. No. 311. P. 170.

8. Гижицки Е. *С шахматами через века и страны. Настольные игры* [Интернет]. Варшава: Спорт и туризм; 1970 [протитировано 27 ноября 2020 г.]. 360 с. Доступно по: <http://table-games.ru/books/item/f00/s00/z0000009/index.shtml>.
9. Карпов АЕ, редактор. *Шахматы: энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1990. 624 с.
10. Конвей ДДж. *Полная энциклопедия мифологических существ. История, происхождение, магические свойства*. Санкт-Петербург: Весь; 2011. 457 с.
11. Bosworth CE. The titulature of the early Ghaznavids. *Oriens*. 1962;15:210–233. DOI: 10.2307/1579847.
12. Caldwell DH, Hall MA, Wilkinson CM. *The Lewis chessmen: unmasked*. Edinburgh: National Museums of Scotland; 2014. 80 p.
13. Robinson J. *The Lewis chessmen (objects in focus)*. London: British Museum Press; 2004. 64 p.
14. Робинсон Дж. Шахматы острова Льюис. *ChessPro. Профессионально о шахматах* [Интернет, процитировано 17 ноября 2020 г.]. Доступно по: https://chesspro.ru/_events/2008/luis.html.
15. Арбман Х. *Викинги*. Санкт-Петербург: Евразия; 2006. 320 с.
16. Догерти МДж. *Мир викингов. Повседневная жизнь Детей Одина*. Москва: Эксмо; 2015. 224 с.
17. Сванидзе АА. *Викинги – люди саги: жизнь и нравы*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 800 с.
18. Нарни А. *Королевство викингов*. Москва: РИПОЛ-классик; 2014. 256 с.
19. Черная ЛВ. Скандинавская женщина эпохи викингов. *Вестник Томского государственного университета* [Интернет]. 2005 [протитировано 23 ноября 2020 г.];288:41–48. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-zhenschina-epochi-vikingov/viewer>.
20. Губанов ИБ. Структура древнескандинавского общества по материалам родовых саг. В: Мильников АС, редактор. *Скандинавские чтения 1998 года: этнографические и культурно-исторические аспекты*. Санкт-Петербург: Наука, 1999. с. 40–48.
21. Гуревич АЯ. *Походы викингов* [Интернет]. Москва: Наука; 1966 [протитировано 25 ноября 2020 г.]. 183 с. Доступно по: <http://ulfdalir.ru/literature/124>.
22. Bennett D. *Conquerors: the roots of New World horsemanship*. Solvang, California: Amigo Publications Inc.; 1998. 422 p.
23. Акунов ВВ. *Берсерки. Воины-медведи древнего Севера*. Москва: Вече; 2014. 320 с.
24. Поло де Болье М.-А. *Средневековая Франция* [Интернет]. Москва: Вече, 2014 [протитировано 31 марта 2020 г.]. 384 с. Доступно по: <https://history.wikireading.ru/11151>.
25. Мортимер ЯВ. *Средневековая Англия. Путеводитель путешественника во времени* [Интернет]. Москва: Эксмо; 2014 [протитировано 16 ноября 2020 г.]. 336 с. Доступно по: http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#ТОС_id20237493http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#ТОС_id20237493.
26. Старавойтава Н, перакладчык. Чорны востраў Самсіжовы (трагікамічны расповед пра тое, як слаўны і дворны рыцар Трышчан ратаваў з палону вялікага караля Артыюша, свайго лепшага сябра і містэрнага рыцара Анцалота, а таксама шмат іншых добрых рыцараў Акруглага стала). *Спадчына*. 2003;4–5:102–104.
27. Можейко МА. Меж тем к югу от Луары: южнофранцузский рыцарский идеал и формирование cortezia. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:100–123.
28. Брюнель-Лобришон Ж, Дюамель-Амадо К. *Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII веков* [Интернет]. Москва: Молодая гвардия; 2003 [протитировано 27 ноября 2020 г.]. 416 с. Совместно с издательством «Палимпсест». Доступно по: <https://coollib.com/b/228569/read>.
29. Можейко МА. Феномен Донны: блеск и нищета Прекрасной Дамы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:120–138. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-120-138.
30. Левандовский АП. Об Артуриане, рыцарях Круглого стола и просто рыцарях. В: Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола*. Москва: Молодая гвардия; 2001. с. 3–12.
31. Жарков СВ. *Рыцари: первая полная энциклопедия* [Интернет]. Москва: Яуза; 2019 [протитировано 14 ноября 2020 г.]. 624 с. Доступно по: <http://loveread.me/contents.php?id=64950>.
32. Фергюсон АБ. *Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма*. Санкт-Петербург: Евразия; 2004. 352 с.
33. Вес Р. *Burlesque et obscénité chez les troubadours: pour une approche du contre-texte médiéval*. Paris: Stock; 1984. 247 p.
34. Grente G, Bossuat R, Pichard L, Raynaud de Lage G, Hasenor G, Zink M. *Dictionnaire des lettres françaises: le Moyen Âge*. Paris: Fayard; 1992. 1506 p.
35. Mussoi A. Playing with memory: The chessboard as mnemonic tool in medieval didactic literature. In: O’Sullivan DE, editor. *Chess in the Middle Ages and Early Modern age. A fundamental thought paradigm of the premodern world FMC (Fundamentals of medieval and Early Modern culture)*. Boston: De Gruyter; 2012. p. 187–198.
36. Évrart de Conty. *Le livre des eschez amoureux moralizes*. Guichard-Tesson F, Roy B, compilateurs. Montréal: CERES; 1993. 828 p.
37. Évrart de Conty. *Le livre des échecs amoureux moralisés* [Internet]. *Accéder au site de la Bibliothèque nationale de France: Gallica* [cité 2020 novembre 23]. Disponible á: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8426258c>.
38. Giogoli K, Friedman JB, Robinet Testard, court illuminator: His manuscripts and his debt to the graphic arts. *Journal of the Early Book Society*. 2005;8:144–188.
39. O’Shea RL. *Queening: chess and women in Medieval and Renaissance France* [Internet]. 2010 [cited 2020 November 25]. 74 p. Available from: <https://scholarsarchive.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://ru.wikipedia.org/&httpsredir=1&article=3415&context=etd>.
40. Duniho F. Shatranji. *Chessvariant* [Internet]. 2001 [cited 2020 November 27]. Available from: <https://www.chessvariants.com/difftaking.dir/shatranji.html>.
41. Knowlton R. Courier chess. *Chess collector* [Internet]. 2009 [cited 2020 November 19];XVIII;1:13–17. Available from: <http://courierchess.com/newsletter/CCI-Courier-Chess-Article.pdf>.

42. Белл Р. *Энциклопедия настольных игр народов мира*. Москва: Центрполиграф; 2001. 318 с.
43. Вувай PV. Modern courier chess. *Variant chess* [Internet]. 1992 [cited 2020 November 15];1(8):102–103. Available from: <http://www.mayhematics.com/s/modco.htm>. Available from: <http://www.mayhematics.com/s/modco.htm>.
44. Луцицкая С. Метафоры средневекового общества: тело, здание, шахматы. В: Зайонц ЛО, составитель. «На меже меж Голосом и Эхом»: сборник статей в честь Т. В. Цивьян. Москва: Новое издательство; 2007. с. 269–275.
45. Иванова Н. Дизайн шахмат Селенус – лунные шахматы. *KADUN* [Интернет]. 2015 [процитировано 15 апреля 2021 г.]. Доступно по: <https://kadun.ru/prensa/dizajn-shahmat-selenus>.
46. Diem A. A Classicising friar at work: John of Wales' Breviloquium de virtutibus. In: Alasdair A. MacDonald AA, Zweder von Martels RVM, Veenstra JR, editors. *Christian humanism: essays in honour of Arjo Vanderjagt*. Leiden: Brill; 2009. p. 75–102.
47. Diem A. Virtus est via ad gloriam. John of Wales and Michele da Massa in disagreement. *Franciscan Studies*. 2005; 63:219–273.
48. Seifert J. Schach, Tod und Liebe Religiöse Deutungen und Analogien. *Schachgemeinschaft 1871 Löberitz: GENS UNA SUMUS* [Internet; zitiert 2020 November 11]. Erhältlich von: http://www.sg1871loeberitz.de/gesch_kolumne/seifert.htm.
49. Geijer E. Schacket, döden och Täby. *Schacksnack* [Internet; cited 2020 November 17]. Available from: <http://www.schacksnack.se/artiklar/82126>.
50. Σφήκας Ν. Ζωγραφικά έργα με θέμα το Σκάκι από τον δέκατο πέμπτο έως τον εικοστό αιώνα. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; 2007. 298 σ.
51. Успенский П. Шахматный этюд № 3: секрет фигуры. *LIVEJOURNAL* [Интернет]. 2018 [процитировано 21 ноября 2020 г.]. Доступно по: https://assalam786.livejournal.com/76459.html?utm_source=3userpost.
52. Виллари П. *Джироламо Савонарола и его время. Том 1*. Санкт-Петербург: Грядущий день; 1913. 389 с. Совместно с издательством «Якорь».

References

1. Pastoureau M. *Povsednevnaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [Everyday life of France and England during the knights of the Round Table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. 223 p. Russian.
2. Mojeiko MA. Oznachivanie [Giving meaning]. In: Gritsanov AA, Mojeiko MA, editors. *Postmodernizm. Entsiklopediya*. Minsk: Interpressservice; 2001. p. 537–538. Co-published by «Knizhnyi dom». Russian.
3. Gollan J. *Chess variations: ancient, regional, and modern*. North Clarendon, Vermont: Tuttle Publishing (Charles E. Tuttle Company); 1973. 233 p.
4. Murray HJR. *A history of chess*. Oxford: The Clarendon Press (Horace Hart M. A. Printed to University); 1913. 900 p.
5. Biruni Abu Reikhan. [India]. In: Biruni Abu Reikhan. *Izbrannye proizvedeniya. Tom. 2* [Selected works. Volume 2]. Tashkent: Fan; 1963. 727 p. Russian.
6. Ambartsumyan AA, translator. *Kniga o shakhmatak [Chatrang-Namag]* [A book about chess [Chatrang-Namag]]. [Internet]. 2000 [cited 2020 November 5]. Available from: <http://avesta.tripod.com/pehlev/Chatrang-namag.htm>. Russian.
7. Murray HJR. [How old chess game is? The antiquity of chess games] [Internet; cited 2020 November 9]. Available from: http://thaichess.narod.ru/index/naskolko_stara_shahmatnaja_igra/0-49. Russian.
8. Gizycki E. *S shahmatami cherez veka i strany. Nastol'nye igry* [With chess through centuries and countries. Table games] [Internet]. Warszawa: Sport & Tourism; 1970 [cited 2020 November 27]. 360 p. Available from: <http://table-games.ru/books/item/f00/s00/z0000009/index.shtml>. Russian.
9. Karpov AE, editor. *Shahmaty: entsiklopedicheskii slovar'* [Chess: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1990. 624 p. Russian.
10. Conway DJ. *Polnaya entsiklopediya mifologicheskikh sushchestv. Istoriya, proiskhozhdenie, magicheskie svoistva* [Complete encyclopedia of mythological creatures. History, origin, magical properties]. Saint Petersburg: Ves'; 2011. 457 p. Russian.
11. Bosworth CE. The titlature of the early Ghaznavids. *Oriens*. 1962;15:210–233. DOI: 10.2307/1579847.
12. Caldwell DH, Hall MA, Wilkinson CM. *The Lewis chessmen: Unmasked*. Edinburgh: National Museums of Scotland; 2014. 80 p.
13. Robinson J. *The Lewis chessmen (objects in focus)*. London: British Museum Press; 2004. 64 p.
14. Robinson J. [The Lewis island chess]. *ChessPro. Professional'no o shakhmatak* [Internet, cited 2020 November 17]. Available from: https://chesspro.ru/_events/2008/luis.html. Russian.
15. Arbman Kh. *Vikingi* [Vikings]. Saint Petersburg: Evraziya; 2006. 320 p. Russian.
16. Dogerti MDzh. *Mir vikingov. Povsednevnaya zhizn' Detei Odina* [The world of the Vikings. Everyday life of the Children of Odin]. Moscow: Eksmo; 2015. 224 p. Russian.
17. Svanidze AA. *Vikingi – lyudi sagi: zhizn' i nrvy* [Vikings are people of saga: life and customs]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 800 p. Russian.
18. Narni A. *Korolevstvo vikingov* [Kingdom of the Vikings]. Moscow: RIPOL-classic; 2014. 256 p. Russian.
19. Chernaya LV. Skandinavskaya zhenshchina epokhi vikingov [Viking age Scandinavian woman]. *Tomsk State University Journal* [Internet]. 2005 [cited 2020 November 23];288:41–48. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-zhenshchina-epokhi-vikingov/viewer>. Russian.
20. Gubanov IB. Struktura drevneskandinavskogo obshchestva po materialam rodovykh sag [The structure of the Old Scandinavian society based on the family sagas]. In: Myl'nikov AS, editor. *Skandinavskie chteniya 1998 goda: etnograficheskie*

i kul'turno-istoricheskie aspekty [Scandinavian readings of 1998th: ethnographic and cultural-historical aspects]. Saint Petersburg: Nauka; 1999. p. 40–48. Russian.

21. Gurevich AY. *Pokhody vikingov* [Viking treks] [Internet]. Moscow: Nauka; 1966 [cited 2020 November 25]. 183 p. Available from: <http://ulfdalir.ru/literature/124>. Russian.

22. Bennett D. *Conquerors: the roots of new world horsemanship*. Solvang, California: Amigo Publications Inc.; 1998. 422 p.

23. Akunov VV. *Berserki. Voiny-medvedi drevnego Severa* [Berserkers. Warrior-bears of the ancient North]. Moscow: Veche; 2014. 320 p. Russian.

24. Polo de Beaulieu M-A. *Srednevekovaya Frantsiya* [Medieval France] [Internet]. Moscow: Veche; 2014 [cited 2020 March 31]. 384 p. Available from: <https://history.wikireading.ru/1115>. Russian.

25. Mortimer YaV. *Srednevekovaya Angliya. Putevoditel' puteshestvennika vo vremeni* [Medieval England. Time traveller's guide] [Internet]. Moscow: Eksmo; 2014 [cited 2020 November 16]. 336 p. Available from: http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#TOC_id20237493http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#TOC_id20237493. Russian.

26. Staravojtava N, translator. [The Black island of Samsizhov (the tragicomic story about how the glorious and courtly knight Trischan rescued from captivity the great king Artyush, his best friend and mysterious knight Anzalot, as well as many other good knights of the Round Table)]. *Spadchyna*. 2003;4–5:102–104. Belarusian.

27. Mojeiko MA. Meanwhile, to South of the Loire: Southern French chivalrous ideal and the formation of courtesy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:100–123. Russian.

28. Brunel-Lobrichon G, Duhamel-Amado C. *Povsednevnyaya zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII vekov* [Everyday life during the troubadours' time of the 12th–13th centuries] [Internet]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003 [cited 2020 March 11]. 416 p. Co-published by the «Palimpsest». Available from: <https://coollib.com/b/228569/read> [https](https://coollib.com/b/228569/read). Russian.

29. Mojeiko MA. Phenomenon of Donna: the glamour and poverty of Fair Lady. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:120–138. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-120-138.

30. Levandovskii AP. [About Arthurian, the knights of the Round Table and simply the knights]. In: Pastoureau M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [Everyday life of France and England during the knights of the Round Table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. p. 3–12. Russian.

31. Zharkov SV. *Rytsari: pervaya polnaya entsiklopediya* [Knights: the first complete encyclopedia] [Internet]. Moscow: Yauza; 2019 [cited 2020 November 14]. 624 p. Available from: <http://loveread.me/contents.php?id=64950>. Russian.

32. Ferguson AB. *Zolotaya osen' angliiskoi rytsarstvennosti. Issledovanie upadka i transformatsii rytsarskogo idealizma* [The golden autumn of English chivalry. A study of the decline and transformation of chivalrous idealism]. Saint Petersburg: Evraziya; 2004. 352 p. Russian.

33. Bec P. *Burlesque et obscénité chez les troubadours: pour une approche du contre-texte médiéval*. Paris: Stock; 1984. 247 p.

34. Grente G, Bossuat R, Pichard L, Raynaud de Lage G, Hasenor G, Zink M. *Dictionnaire des lettres françaises: le Moyen Âge*. Paris: Fayard; 1992. 1506 p.

35. Mussoi A. Playing with memory: The chessboard as mnemonic tool in medieval didactic literature. In: O'Sullivan DE, editor. *Chess in the Middle Ages and Early Modern age. A fundamental thought paradigm of the premodern world FMC (Fundamentals of Medieval and Early Modern culture)*. Boston: De Gruyter; 2012. p. 187–198.

36. Évrart de Conty. *Le livre des eschez amoureux moralizes*. Guichard-Tesson F, Roy B, compilateurs. Montréal: CERES; 1993. 828 p.

37. Évrart de Conty. Le livre des échecs amoureux moralisés [Internet]. *Accéder au site de la Bibliothèque nationale de France: Gallica* [cité 2020 novembre 23]. Disponible par: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8426258c>.

38. Giogoli K, Friedman JB, Robinet Testard, court illuminator: His manuscripts and his debt to the graphic arts. *Journal of the Early Book Society*. 2005;8:144–188.

39. O'Shea RL. *Queening: chess and women in Medieval and Renaissance France* [Internet]. 2010 [cited 2020 November 25]. 74 p. Available from: <https://scholarsarchive.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://ru.wikipedia.org/&httpsredir=1&article=3415&context=etd>.

40. Duniho F. Shatranji. *Chessvariant* [Internet]. 2001 [cited 2020 November 27]. Available from: <https://www.chessvariants.com/difftaking.dir/shatranji.html>.

41. Knowlton R. Courier chess. *Chess collector* [Internet]. 2009 [cited 2020 November 19];XVIII;1:13–17. Available from: <http://courierchess.com/newsletter/CCI-Courier-Chess-Article.pdf>.

42. Bell R. *Entsiklopediya nastol'nykh igr narodov mira* [Encyclopedia of board games of the peoples of the world]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2001. 318 p. Russian.

43. Byway PV. Modern courier chess. *Variant chess* [Internet]. 1992 [cited 2020 November 15];1(8):102–103. Available from: <http://www.mayhematics.com/s/modco.htm>.

44. Luchitskaya S. Metafory srednevekovogo obshchestva: telo, zdanie, shakhmaty [Metaphors of medieval society: body, building, chess]. In: Zaionts LO, compiler. «*Na mezhe mezh Golosom i Ekhom*»: *sbornik statei v chest' T. V. Tsiv'yan* [«At the boundary between the Voice and the Echo»: a collection of articles in honor of T. V. Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. p. 269–275. Russian.

45. Ivanova N. [Chess design Selenus – moon chess]. *KADUN* [Internet]. 2015 [cited 2021 April 15]. Available from: <https://kadun.ru/prensa/dizajn-shahmat-selenus>. Russian.

46. Diem A. A Classicising friar at work: John of Wales' Breviloquium de virtutibus. In: Alasdair A, MacDonald AA, Zweder von Martels RVM, Veenstra JR, editors. *Christian humanism: essays in honour of Arjo Vanderjagt*. Leiden: Brill; 2009. p. 75–102.

47. Diem A. Virtus est via ad gloriam. John of Wales and Michele da Massa in disagreement. *Franciscan Studies*. 2005; 63:219–273.

48. Seifert J. Schach, Tod und Liebe Religiöse Deutungen und Analogien. *Schachgemeinschaft 1871 Löberitz: GENS UNA SUMUS* [Internet; zitiert 2020 November 11]. Erhältlich von: http://www.sg1871loeberitz.de/gesch_kolumne/seifert.htm.

49. Geijer E. Schacket, döden och Täby. *Schacksnack* [Internet; cited 2020 November 17]. Available from: <http://www.schacksnack.se/artiklar/82126>.

50. Σφήκας Ν. Ζωγραφικά έργα με θέμα το Σκάκι από τον δέκατο πέμπτο έως τον εικοστό αιώνα. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; 2007. 298 σ.

51. Uspenskii P. [Chess study No. 3: The secret of a piece]. *LIVEJOURNAL* [Internet]. 2018 [cited 2020 November 21]. Available from: https://assalam786.livejournal.com/76459.html?utm_source=3userpost. Russian.

52. Villari P. *Dzhirolamo Savonarola i ego vremya. Tom 1* [Girolamo Savonarola and his time. Volume 1]. Saint Petersburg: Gryadushchii den'; 1913. 389 p. Co-published by the «Yakor'». Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.05.2021.
Received by editorial board 16.05.2021.